

Иркутская история: в условиях кризиса

«ПРАВО выбора» продолжает знакомить своих читателей с историей столицы Восточной Сибири, запечатленной в книге «Городское самоуправление в Иркутске: от Екатерины Великой до Дмитрия Медведева». Авторы издания – М. Плотникова, А. Петров и К. Слободская. Сегодня мы расскажем о том, как дума Иркутска боролась с политической анархией, которая разрывала Россию после революционных событий 1917 года.

Продолжение.
Начало в №17 (108) – №20 (111) 2010 года, №1 (112) – №4 (115) 2011 года

На окончательный слом старых органов власти большевики пошли только после разгона Учредительного Собрания. В Сибири это прежде всего произошло в промышленных центрах края, где они пользовались наибольшей поддержкой населения. Однако в Иркутске, всю свою историю выступавшем исключительно в роли административного и торгового центра, у большевиков такой поддержки не было, и им приходилось еще некоторое время мириться с существованием городской думы. Не была ликвидирована дума даже после юнкерского мятежа (декабрь 1917 года), когда в Иркутске перестала существовать реальная сила, способная противостоять большевикам. Скорее всего, юнкерский мятеж даже способствовал сохранению думы. Единжды столкнувшись со столь мощным сопротивлением, большевики, которые и после декабря 1917 года не могли в Иркутске чувствовать себя уверенно, отказались от мысли о немедленной ликвидации городской думы и перешли к тактике ее постепенного «выдавливания».

В январе по распоряжению начальника военной охраны Зотова были произведены обыски в домах «всех неблагонадежных лиц». Судя по газетным публикациям, обыску подвергались, прежде всего, состоятельные иркутяне, которые в силу своего социального статуса поддерживали городскую думу. Выступая 23 января 1918 года перед думой, начальник городской милиции Рункевич докладывал, что его подчиненными был задержан солдат из обывского отряда, у которого была обнаружена пропащая во время обыска из «неблагонадежной» квартиры крупная сумма денег. Правда, аресты провожавшихся солдат не имели особого эффекта. Как следовало из того же доклада, за взятых под стражу милицией преступников «заступались» большевики, которые вооруженными приходили в городскую тюрьму и предъявляли ордера на освобождение того или иного арестанта. Таким образом, действия милиции были крайне ограничены произволом военной охраны, в своих действиях руководствовавшейся не принципами законности, а лишь размытой «революционной необходимостью».

Наиболее непримиримые из числа противников власти Советов в Иркутске сами оказывались в тюрьме. Такая участь, в частности, постигла прокурора судебной палаты С.С. Старынкевича, арестованного большевиками в начале января. Собравшаяся тогда же на свое очередное собрание городская дума смогла лишь выразить сидельцу свое «приветствие и сочувствие». Впрочем, сам факт публикации «приветствия и сочувствия» думы в прессе говорит о том, что она еще имела какие-то возможности для борьбы за власть в городе. Определенные надежды на успех думе давал пример Читы, где перед угрозой столкновения с казаками большевики вынуждены были согласиться на создание коалиционного Народного Совета, взявшего на себя руководство Забайкальской областью. Читинские события с большим жаром обсуждались на заседаниях Иркутской думы.

Надеяться на возвращение себе единоличной власти в городе дума уже не могла, однако была еще возможна создания равноправной коалиции с Советами.

С течением времени стало наблюдаться значительное «полевение» в среде служащих городского самоуправления. Избранные 30 июля 1917 года в депутаты городской думы большевики, даже находясь в абсолютном меньшинстве (их было всего 11 человек), «вели исключительно активную работу». Фактически им удалось распропагандировать низовой состав служащих городского управления: канцеляристов, рабочих-коммунальщиков, дворников и т.д.

Благодаря усилиям большевистских агитаторов к апрелю 1918 года в созданном годом ранее Союзе работников городского самоуправления, объединявшем городских коммунальщиков, с незначительным перевесом стали преобладать большевики. 18 апреля 1918 года они инициировали выпуск постановления с требованием о роспуске думы, который был принят 259 голосами против 239. Поводом для этого послужило решение городской думы «под влиянием финансового затруднения сократить штат служащих». В случае отказа думы от самороспуска Союз пригрозил началом бессрочной забастовки.

Ответом думы на постановление Союза стало обращение к жителям города, в котором она призвала не допустить «нового насилия, чинимого над нею». Однако на сей раз население к призыву городской думы оказалось глухо. Конфликт думы и Совета не способствовал разрешению насущных проблем города. Наоборот, по мере его развития ситуация лишь усложнялась. 2 мая было принято постановление Совета рабочих и красноармейских депутатов о роспуске городской думы.

Период безвременья продолжился для городской думы недолго – с мая до начала июля. Установившаяся на большей части России власть Советов и возглавлявшие их большевики оказались недостаточно прочной, чтобы выдержать удары революции. Большевики были свергнуты на окраинах России, в том числе и в Сибири.

В Иркутск отряды белочехов вступили 11 июля, а уже на следующий день дума возобновила свою работу. На повестке дня главный вопрос – продовольственный. Одним из первых действий думы было восстановление продажного аппарата, упрядненного большевиками, – Особого присутствия общественного самоуправления. Заготовительная деятельность Особого присутствия велась либо через аппарат министерства продовольствия Временного Сибирского правительства (Иркутску в этом повезло, так как главою министерства являлся один из гласных городской думы И.И. Себренников), либо через собственных представителей, действовавших в хлебоборных регионах Сибири. Торговые агенты Особого присутствия действовали в Харбине, где закупались крупчатка, гречневая крупа, пшеница, чай, сахар, Омской губернии (крупный рогатый скот, пшеница), Монголии (крупный рогатый скот). Через посредников, в основном китайцев, торговым агентам удавалось даже закупать камчатские морепродукты. В августе благодаря посредничеству министерства продовольствия иркутскому агенту удалось отправить в город 30 вагонов зерна. В октябре 1918 года заместитель городского головы Е.П. Кузнецов телеграфировал из Харбина, что в Иркутск отправлен маршрутным поездом 21 000 центнеров крупчатка, гречневой крупы и пшеницы. В октябре им же был заключен договор на поставку 75 000 центнеров тех же круп. Но такие крупные поставки случались нечасто, и большая часть работы агентов составляли небольшие партии продовольствия.

Обеспечение города продовольствием сопровождалось для городской думы большими трудностями и, в первую очередь, финансовыми. Частично их удавалось решить за счет дотаций правительства. Однако и в случае получения требуемых сумм покупки необходимых товаров не была гарантирована. После Февральской революции все самопровозглашенные «правительства», в зависимости от собственных амбиций именовавшие себе

«всероссийскими» или «краевыми», в обязательном порядке налаживали выпуск собственных денег. Не избежали этого и Временное Сибирское правительство, и Директория. Объем абсолютно ничем не обеспеченной денежной массы был настолько велик, что в некоторых банках возникали проблемы с ее хранением. Для рядовых же покупателей эти ассигнации имели ценность фантиков, и производить через них акты купли-продажи никто не желал. Особенно это касалось купюр крупного достоинства, на которые порой было невозможно купить даже самого необходимого и, таким образом, как острились иркутские фельетоны, можно было умереть от голода с карманами, набитыми деньгами. В своих телеграммах в Иркутск торговые агенты просили Особое присутствие и городскую думу высылать им суммы мелкой монеты (ведь медь, а тем более драгметаллы не подвержены инфляции) и советовали для обмена с крестьянами запасаться, пока есть возможность, необходимыми в сельском быту товарами (скобяной товар, гвозди, железо, подковы, стекло, хозяйственная утварь).

Полученные через агентов или министерство продовольствия продукты продавались горожанам через находившиеся в ведении Особого присутствия магазины и пекарни, но не более определенного количества в одни руки. Введенные в сентябре 1917 года карточки не были отменены до самого конца существования городской думы (в дальнейшем они тоже продолжали существовать, но только выдавала их уже Советская власть). Помимо функций чисто распределительной, карточки были призваны еще и бороться со спекуляцией, которая могла легко развиться за счет того, что продукты ведомственных магазинов были немного дешевле рыночных.

Довольно интересна критика Особого присутствия, часто встречающаяся на страницах иркутских газет: «Отсутствие компетентного надзора. Качество хлеба печеного, отпускаемого из городских лавок по карточкам, оставляет желать много лучшего. Хлеб почти постоянно выпускается недолеченный, тягловесный, и обыватель страдает двойной: от искусственно увеличенного веса хлеба и от непомерной «тяжести», какую он образует в желудке». «Деятельность городского продовольственного комитета, казалась бы, должна идти не в ущерб обывателя, а в сторону его интересов, факты же говорят о совершенно противоположном: в то время как на базаревольные цены на масло держаться в пределах 3 руб. 50 коп. – 4 руб., учреждение, «опекающее» нас, устанавливает свою цену – 4 руб. 80 коп.». В основном критика продовольственной политики город-

ских депутатов. Иркутский Совет начал искать новые источники твердого топлива и нашел их в районе реки Ушаковки, протекающей в черте города. Перспектива наладить добычу угля была настолько заманчивой, что уже в феврале 1918 года большевики начинают проводить первые геологоразведочные работы вдоль берегов реки. Осуществлению плана помешал захват Иркутска чехословаками. Топливно-энергетический проект иркутских большевиков был подхвачен Иркутской городской думой. В августе 1918 года Восточно-Сибирский комитет по топливу возобновляет геологоразведочные работы в районе Ушаковки, давшие обнадеживающие результаты. Согласно сделанному на их основании расчетам, запасы ушаковского угля составляли около 300 млн пудов, которых хватало бы городу примерно на 30 лет.

Обсуждение перспектив угледобычи в городской думе началось в сентябре 1918 года, после того как в августе город едва не оказался без электричества. Сложилась такая ситуация из-за того, что думой не был вовремя рассмотрен вопрос о повышении тарифов на электроэнергию, и «Иркутское водопроводное хозяйство», заведовавшее электростанцией, не смогло купить топливо по вновь повысившимся на него ценам. Более всех за строительство ушаковских колеи ратовал технико-строительный отдел управы Иркутска. Депутатам рисовались грандиозные перспективы предприятия как «в смысле обеспечения населения топливом, так и в отношении развития промышленности, а также устройства в городе канализации, трамвая». Стоимость предприятия оценивалась приблизительно в 780 тыс. руб. Развитие угледобычи было важно для города, переполненного беженцами, и в перспективе создания новых рабочих мест. Депутаты, разделяя мысль управы о важности угледобычи, обсуждали эту тему в течение нескольких заседаний, но не смогли найти даже 68 тыс. руб., которые просили геологоразведчики за уже совершенные работы.

Вместе с тем, дума довольно успешно справлялась с подготовкой к зиме 1918–1919 гг. На предстоящую зиму город в целом был обеспечен топливом и дровами, к первым месяцам зимы цена на 1 сажень дров была вполне приемлемой (55 руб.). Ситуация изменилась уже к началу 1919 года. Первые серьезные поражения Белой армии на Востоке (Сибирском) фронте и финансовые трудности Омского правительства сильно ударили по бюджету Иркутска. В результате быстрого обесценивания сибирских денег средств, выделенных городской думой на закупку дров, стало не хватать. В городе возник дровяной голод. В январе на страницах иркут-

ских в Иркутск, кооператив расширял товары среди своих членов по сниженным ценам, а оставшиеся товары продавал по ценам рынка. Образовавшийся таким образом «навар» шел на закупку новых партий товаров или мог быть распределен среди членов кооператива. Подобным образом рассчитывали поступить и городские власти. Выкуп облигаций предполагалось производить за счет полученных от продажи дров средств или же непосредственно дровами, что было предпочтительней для замерзавших заимодавцев в условиях сильной инфляции. Оставшиеся же после этого дрова должны были быть направлены на нужды городского хозяйства. В общей сложности было про-

полагалось уделить проблемам восстановления и усовершенствования земского и городского хозяйств.

В первую очередь дума приступила к подготовке к Самарскому съезду. Делегатами на него были избраны бывший краевой комиссар гласный эсер А.Н. Крутиков и социал-демократ Пескин. Дума создала комиссию по разработке наказа депутатам. В этот момент в городской думе произошел любопытный инцидент. Представитель кадетов заявил, что его фракция отказывается участвовать в обсуждении вопроса, так как «...делегация состоит исключительно из социалистических элементов, и давать им наказ фракция к-д. не находит возможным». Де-

который, впрочем, абсолютно устраивал КОМУЧ, стало создание Союза земств и городов России (Земгор). Председателем Земгора был избран иркутский гласный, эсер А.Н. Крутиков, что обеспечивало КОМУЧу поддержку земств и городов.

Челябинское Государственное совещание, на котором так много надежд возлагало КОМУЧ и Временное Сибирское правительство, не состоялось. Новым местом для его проведения была избрана Уфа. Воспользовавшись передышкой, эсеры решили провести съезд земств и городов Сибири на территории своего главного соперника. Местом его проведения избрали Томск.

Подготовку к съезду в Томске Иркутская дума начала вскоре

Вступление воинских частей чехословацкого корпуса в Иркутск в июле 1918 года. Угол Амурской и Большой улиц

дано 948 облигаций на 94 800 рублей.

Вернувшись к городским делам, дума одновременно включилась в политическую жизнь. К лету 1918 года на территории, занятых «контрреволюцией», сформировались два центра притяжения антибольшевистских сил, оспаривавших друг у друга верховенства: Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (КОМУЧ), располагавшийся в Самаре, и Временное Сибирское Правительство, расположенное в Омске. Помимо различного географического положения, они различались и политическими программами. КОМУЧ был по преимуществу эсеровским. Временное Сибирское правительство придерживалось «взглядов значительно правее эсеровских».

В результате длительных переговоров Временного Сибирского правительства и КОМУЧ им удалось договориться о созыве Государственного совещания, на котором планировалось решить вопрос о будущей Всероссийской власти. Местом проведения совета был выбран Челябинск. Помимо договаривающихся сторон, в его работе должны были принять участие и иные самопровозглашившиеся «правительств», члены Всероссийского Учредительного собрания, не вошедшие в КОМУЧ, делегации руководящих органов антибольшевистских политических организаций. До 20 августа Самарское и Омское правительства вели напряженный поиск союзников. Перед Государственным совещанием ими было проведено множество уездных и губернских съездов городов и земств по всей стране, итогом которых стал Всероссийский съезд земств и городов в Самаре 15 августа 1918 года. Одновременно с Самарским должен был открыться Съезд земств и городов Сибири в Томске, но он был перенесен на сентябрь.

На оба съезда была приглашена городская дума Иркутска. О получении приглашений 6 августа дума докладывала городского голову Н.Ф. Гуревича, в своей речи выдвигавшего наиболее важные для Иркутска вопросы, стоявшие на предварительных повестках съездов. Программа самарского съезда была охарактеризована им как чисто политическая. Главные вопросы: о создании единой государственной власти и о народной армии. Томский съезд был им назван «чисто деловым», так как основное внимание на нем пред-

марш кадетов лишил думу кворума (многие депутаты в городе отсутствовали, и в зале думы с трудом набралось необходимых 46 человек), что делало невозможным продолжение работы. После полуторачасовых межфракционных переговоров кадеты дали себя уговорить в обмен на включение в состав делегации кадета Д.А. Кочнева. После этого думе все-таки удалось избрать комиссию.

Выработанный комиссией и утвержденный думой 10 августа Наказ по своему содержанию был эсеровским. Согласно ему, будущее коалиционное Всероссийское правительство должно состоять только из общественных элементов, признающих Учредительное собрание, которое было избрано на государственных выборах в ноябре 1917 года. Учредительное собрание называлось в Наказе «единственным законным и правомочным представительным органом общероссийской власти...». В Наказе было выражено отношение к происходящим политическим событиям в стране – непризнание Брестского мира, призыв собирать Россию, возрождать русскую государственность, а также предложение создания народной армии для борьбы с «большевистско-немецким гнетом». Вместе с тем, предлагалось сохранить все социальные завоевания, политические и гражданские свободы, в том числе за земскими и городскими самоуправлениями широкого права самоуправления во всех областях муниципальной и земской жизни с расширением их бюджетных прав.

Первое общее заседание Самарского съезда открывал председатель президиума КОМУЧ В.К. Вольский, что выражало претензию самарского правительства на руководящую роль. Среди задач, которые по большей части были политическими, отметили «восстановление деятельности самоуправления».

Представители Иркутска опоздали на съезд и приехали, когда съезд уже разбился на секции. Одной из главнейших задач съезда стала выработка резолюции по текущему моменту. Сибиряки, которых на съезде оказалось 11 человек, собрались отдельно и выработали свою резолюцию. Ее содержание, как докладывал дума на заседании 1 октября 1918 года гласный Д.А. Кочнев, совпадало с наказом, данным ему Иркутской городской думой.

Единственным практическим итогом Самарского совещания,

после отправки делегации в Самару. Делегатами на него были избраны кадет Д.А. Кочнев, еще не вернувшийся из Самары, и эсер И.Г. Гольдберг, находившийся тогда в Западной Сибири. Принятый накануне открытия Томского съезда наказ был отправлен им по телеграфу. Он был гораздо радикальней, чем самарский. Главным его требованием была передача земствам и городам практически всех властных функций на местах, за исключением лишь тех, «которые поручены специальным учреждениям, как, например, заведывание почтой, телеграфом, железными дорогами». Губернаторские обязанности предлагалось возложить на глав губернских земских управ, должность же комиссаров Временного правительства на государственных выборах в ноябре 1917 года. Учредительное собрание называлось в Наказе «единственным законным и правомочным представительным органом общероссийской власти...». В Наказе было выражено отношение к происходящим политическим событиям в стране – непризнание Брестского мира, призыв собирать Россию, возрождать русскую государственность, а также предложение создания народной армии для борьбы с «большевистско-немецким гнетом». Вместе с тем, предлагалось сохранить все социальные завоевания, политические и гражданские свободы, в том числе за земскими и городскими самоуправлениями широкого права самоуправления во всех областях муниципальной и земской жизни с расширением их бюджетных прав.

Первое общее заседание Самарского съезда открывал председатель президиума КОМУЧ В.К. Вольский, что выражало претензию самарского правительства на руководящую роль. Среди задач, которые по большей части были политическими, отметили «восстановление деятельности самоуправления».

Представители Иркутска опоздали на съезд и приехали, когда съезд уже разбился на секции. Одной из главнейших задач съезда стала выработка резолюции по текущему моменту. Сибиряки, которых на съезде оказалось 11 человек, собрались отдельно и выработали свою резолюцию. Ее содержание, как докладывал дума на заседании 1 октября 1918 года гласный Д.А. Кочнев, совпадало с наказом, данным ему Иркутской городской думой.

Единственным практическим итогом Самарского совещания,